

Модель анализа военной мемуаристики как литературного феномена

А. М. МАРКУСЬ

(Южно-Уральский государственный университет)*

В статье разрабатывается модель анализа военной мемуаристики, автор анализирует типологические характеристики, акцентируя внимание на феномене мемуаров советских военачальников.

Ключевые слова: мемуары, жанр, модель анализа, подуровни модели анализа.

Model for the Analysis of Military Memoirs as a Literary Phenomenon

A. M. MARKUS'

(SOUTH URAL STATE UNIVERSITY)

The article develops a model for military memoirs analysis. The author dwells on typological characteristics drawing attention to the phenomenon of Soviet commanders' memoirs.

Keywords: memoirs, genre, analysis model, sublevels of analysis model.

Мы исходим из представления о мемуарах как о литературных произведениях, содержащих в своей первооснове жизненный опыт человека, раскрывающийся с ярко выраженной субъективностью в восприятии событий. Мемуары — это оригинальная амбивалентная система, включающая в себя художественное и сугубо документальное.

При рассмотрении военных мемуаров следует учитывать специфику многогранности данного феномена. Для этого мы предлагаем свою модель анализа, учитывающую априорно наличие научного стиля военного подязыка и художественной речи в литературном произведении. При построении модели анализа, отнесенного к военной мемуаристике, нами учитывается категория жанра. При этом основополагающим вбирающим в себя полное представление о категории, по нашему мнению, можно считать определение жанра, предложенное Н. Л. Лейдерманом: «...жанр — это исторически сложившийся тип устойчивой структуры произведения, организующий все его компоненты в систему, порождающую целост-

ный образ — художественный мир, который выражает определенную эстетическую концепцию действительности» (Лейдерман, 1973: 19).

Ниже мы представляем уровневую модель анализа, характеризующую вышеуказанные спецификации.

I. На концептуальном уровне, по мнению Н. Л. Лейдермана (Лейдерман, 2004: 16), необходимо рассматривать определенный спектр подсистем: тематику, проблематику, экстенсивность и интенсивность воссоздания мира художественного произведения, пафос.

Анализ военной мемуаристики позволяет судить о доминантной идейной установке на самоотверженность, самопожертвование воинов-героев и всего народа, ненависть к врагу; проблематика соотносится с идейной и социально-политической направленностью: подъем патриотизма, гражданский и нравственный долг при защите и обороне своей страны. Мемуаристы пытаются выразить горе и героизм народа, а также охарактеризовать как закономерный разгром фашистов, отождествленных с представителя-

* Маркусь Анна Михайловна — аспирант кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета. Тел.: +7 (351) 267-90-95. Эл. адрес: annemarks@rambler.ru

ми животного мира: «Самолеты с воем сбрасывали бомбы» (Рокоссовский, 2000: 107), «они бежали без оглядки, спасая свою шкуру» (там же: 146), «мессершмитты, подобно стае борзых собак, набрасывались на наших» (там же: 180), «в движении этой огромной массы солдат было скорее животное упорство стада» (там же: 325), «выковыривать гитлеровцев из их бетонных нор» (там же: 365), «смерть кровавым гитлеровским собакам!» (Баграмян, 1984: 329), «сейчас это испуганное стадо овец, сбившихся в кучу» (там же: 482), «ускорить разгром фашистского зверя в его берлоге» (Еременко, 1985: 360), «озверевшие фашистские летчики» (Жуков, 1988: 34), «фашистские двуногие звери» (Чуйков, 1973: 143), «шныряют, как хищные волки» (Чуйков, 1972: 22). Пафос определяется социальной средой, выразителем которой является автор. В данной модели фигурирует национально-историческая героиня, повлекшая за собой усиление активности и деятельности как отдельного человека, так и всего народа в целом, приводящие к разрешению великих, судьбоносных общенациональных целей.

II. Уровень организации произведения как художественного целого характеризуется тем, что сюжет произведений динамичен. Это не в последнюю очередь определяется хронотопом войны, самой динамичностью обстоятельств.

При этом наблюдаются дискретность времени и ретардация, выражающаяся в основном в описании пейзажа (например, перед боем) или отступлении автора. В сюжете военной мемуаристики находят свое применение описательные, конкретно-повествовательные эпизоды, а также суммарно-повествовательные. Все эпизоды объединяются логической нитью рассказывания о военных буднях и коллизиях, участники которых стремятся побороть суровость судьбы. Автор часто ведет беседу «с собой», отвечая на поставленные собой вопросы, которые, как правило, связаны с поступками и помыслами, действиями противоположной стороны.

Конфликт представляет собой противостояние сторон, в котором задействуются целые города и страны и которое доходит до невероятной жестокости со стороны фашизма. Весь конфликт протекает на относительно большом промежутке времени, с использованием усложненной и сложной композиции.

III. Уровень внутренней формы (художественный мир) мы будем анализировать, ссылаясь на представления Н. А. Лейдермана, связанные с уровнем внешней формы. Как отмечает Н. А. Лейдерман, субъектная организация мира художественного произведения стремится к определению и установке на определенное видение мира, при этом задействуются время и пространство, эмоциональный фон и разум (Лейдерман, 1988: 25). В нашей модели это введение рассказчика, который сообщает читателю об источниках своей информации; рассказ от первого лица. Пространственно-временная организация, или хронотоп, по М. М. Бахтину, представлена в нашей модели следующим образом: время в хронотопе имеет ретроспективное начало, мемуарист вне хронотопа, по словам М. М. Бахтина (Бахтин, 1975: 405), он находится к нему «по касательной». Хронотоп в военной мемуарной литературе обусловлен перспективно-ретроспективным видением повествователя. Действия в большей части протекают под открытым небом, в военных действиях, в них задействуются разные страны.

Портретная характеристика в большей степени затрагивает психологические качества персонажа. Подчеркнуто выделяется воинская судьба героев, однако есть и свои исключения, например детализированное описание внешности генерала Пуркаева: «...оказался невысокого роста, но атлетически сложенным, выглядел несколько старше своих лет. Массивная голова с темными, густыми, слегка топорщившимися волосами, широкоскулое мужественное лицо, большие карие глаза, строго устремленные на собеседника сквозь толстые стекла пенсне» (Баграмян, 1984: 17).

Пейзаж в военной модели используется для обозначения места и времени действия: «Тихо катит свои воды Висла (*место*). Стелется над водой, над заливами молочный туман. В суровом молчании, в безветрии застыли величественные сосны» (Чуйков, 1973: 59). «Пришел апрель (*время*). Под жаркими лучами солнца оголялись поля. <...> Вчера гуляла по полям метель, сегодня томится над полями синеватое марево, <...>, и вот уже курчавятся редкие озими» (Чуйков, 1972: 37). Психологизм выражается при помощи самоанализа и художественной детали.

IV. Уровень внешней формы имеет ряд отличительных характеристик, заключающихся в том, что автор-повествователь в военных мемуарах открыт, отчетливо виден, ему присуще чувство авторского «я», что говорит об эмоционально окрашенном произведении. Его переживания, впечатления отображаются в комплексе авторского культурного и социального опыта. Повествовательный вариант имеет признак динамичности. Э. Н. Анохина подчеркивает, что мемуарный текст является произведением искусства, он отражает особенности в процессе познания действительности (Анохина, 1999: 71). Речевая характеристика персонажа анализируется в диалогах.

Ритмо-мелодическая организация. Научный стиль военного подязыка определяется наличием сокращений, названий боевой техники, специальной военной лексики, огромным количеством употреблений должностей военачальников, конкретными названиями частей и их подразделений, использованием терминологических атрибутивных словосочетаний, фразеологических глагольно-именных словосочетаний, описательных глагольно-именных. Следует отметить, что в модели анализа имеет свой вес эмоциональная лексика.

Выделяются три группы эмоциональной лексики: 1) слова, содержащие оценку фактов, явлений, признака, действия (они не употребляются в переносном значении, у таких слов ярко проявляется их оценочное значение, в этой группе есть так называемые

слова-характеристики); 2) маркером этого явления можно считать наличие специфических аффиксов; 3) многозначные слова, которые получают эмоциональную окраску при переносном значении, функционируя в метафорическом употреблении (Голуб, 2007: 60). Отбирая специальные лексические средства, создавая тем самым свое языковое моделирование мира, автор в военных мемуарах выражает свое субъективное отношение к происходящему на «красном жернове» событий войны. При этом идет отступление от норм, речевого стандарта, и благодаря этому воссоздается пугающая образность войны и создается нужный эстетический эффект. Тот факт, что первая группа преобладает, подтверждается тем, что для военных людей использование однозначных слов более приемлемо, однако и метафоризация играет определенную роль в произведении.

В мемуарах И. С. Конева «Записки командующего фронтом» — первая группа преобладает (450 лексических единиц), например: «самообладание», «зверски замученные», «изверги», «всесокрушающий таран», «палачи» (Конев, 1991: 34–128). Во второй группе всего два примера: «одежонка» и «верхушка фашизма». Данные слова получают эмоциональность благодаря наличию аффиксов, оценочное значение в данном случае становится результатом словообразования. В военных мемуарах вторая группа — редкое явление. В третьей группе 50 лексических единиц, например: «берлога», «котел», «мощный узел сопротивления», «жаркие бои».

В произведении А. И. Еременко «Годы возмездия. 1943–1945» мы отмечаем значительное преобладание первой группы. Она включает 1215 слов, например «фашистские сатрапы», «гады», «подлецы», «кровожадный садизм», «неутомимый», «самоотверженность». Во второй группе шесть слов: «солдафонство», «зазнайство», «чуравшихся», «темное пятнышко»; два раза встречается устойчивое словосочетание «горстка немцев». Третья группа насчитывает 13 слов, такие, например, как: «косить немцев», «мощ-

ный узел сопротивления», «страшный каменный мешок». Военачальник И. Х. Баграмян в книге воспоминаний «Так шли мы к победе» (1988) использует для выражения эмоционального первую группу, насчитывающую 614 единиц, примером служат такие слова: «вероломство», «озверелый», «генерал Зима», «стервятники», «бравурный», «воротилы»; во второй группе отмечено наименьшее количество примеров, всего два — «паренек» и «горячие денечки». В третьей группе также наблюдается малочисленность примеров, всего — семь. В двух произведениях В. И. Чуйкова «Конец третьего рейха» (1973) и «Гвардейцы Сталинграда идут на запад» (1972) насчитывается преобладание первой группы: 130 и 86 лексических единиц первой группы по сравнению с восемью и тремя соответственно из обеих последующих групп, что свидетельствует о разном процентном соотношении эмоциональной лексики.

Таким образом, свои душевные колебания, чувства, переживания, наконец, свое мироощущение известные военачальники выражали в мемуарах, используя в большинстве случаев лексику первой группы. При помощи мастерски подобранных лексических единиц военачальники, выступающие в роли мемуаристов, помогают нам постичь военный исторический мир. В данном контексте нельзя не упомянуть точку зрения Н. Л. Лейдермана, считавшего, что «мемуаристы оживляют силой памяти те духовные ценности, которые выкристаллизовывались, обрели значение фундаментальных тем, на войне, под пулями и бомбами, те ценности, которые поднимали людей над страхом и болью, над блокадной дистрофией и одиночеством потерь» (Лейдерман, 1987: 172).

Говоря о стилистических маркерах военной мемуаристики, нельзя не отметить ряд спецификаций, присущих всему феномену военной мемуарной прозы и нашей модели: органический синтез монологической речи мемуариста-повествователя и диалогических единств, а также отсутствие конструк-

ций с не собственно прямой речью, при этом выражение чужой речи идет путем применения конструкций диалога и косвенной речи, использованием конструкций диалога и косвенной речи.

При изучении троп намечена метафорическая направленность. В количественной последовательности нами отмечается преобладание метафоры, на втором месте по употреблению идут сравнения, метонимию используют в редких случаях. Для более детального представления нами приводится список примеров по частотности употребления троп.

Метафоры: «Заехали на несколько часов в Москву. Увидели ее настороженной, ошетинившейся металлическими надолбами и рогатками» (Рокоссовский, 2000: 104); «стоном стонет теперь наша земля, куда ступила нога фашистских извергов, кровавую тризну справляют гитлеровские людоеды» (Баграмян, 1984: 328); «не могу спокойно смотреть на это чудовище, поглотившее моих близких» (Жуков, 1988: 21); «бродячие танковые группы» (Рокоссовский, 2000: 109); «Машина ползла, немецкий танк вздрогнул» (Баграмян, 1988: 150); «Поднимались к небу желтые взлохмаченные султаны взрывов» (Чуйков, 1973: 211); «стены здания облизывали языки пожаров» (там же: 226).

Сравнения: «Они горели, как факелы» (Рокоссовский, 2000: 70); «с катюшами как с капризной женщиной» (там же: 74); «они, как няньки у постели невменяемого» (Чуйков, 1973: 206); «нога висела, как плеть» (там же: 266); «звезды блестят, как омытые дождем» (Чуйков, 1972: 106); «степь ровная, как полированный стол» (там же: 143).

Метонимия: «подала голос гаубичная артиллерия» (Рокоссовский, 2000: 65); «огневые точки замолкли» (Чуйков, 1973: 152); *гипербола* — «сознание опасности поглотило все» (Рокоссовский, 2000: 117).

Для интонации характерно многократное использование восклицаний. Они делают речь более эмоционально-выразительной, воздействуют суггестивно, передают ценностные ориентации.

Таким образом, при анализе мемуаров необходимо учитывать вышеуказанные матричные структуры, для того чтобы определять соотношение литературного произведения с военной мемуаристикой, в которой память о войне выжжена страданиями народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохина, Э. Н. (1999) Методика использования мемуарных текстов с учетом специальности студентов на занятиях по русскому языку : дис. ... канд. пед. наук. М.

Баграмян, И. Х. (1984) Так начиналась война. Киев : Политиздат Украины.

Баграмян, И. Х. (1988) Так шли мы к победе. Киев : Политиздат Украины.

Бахтин, М. М. (1975) Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Худож. лит.

Голуб, И. Б. (2007) Стилистика русского языка. М. : Айрис-пресс.

Еременко, А. И. (1985) Годы возмездия. 1943–1945. М. : Финансы и статистика.

Жуков, Г. К. (1988) Воспоминания и размышления : в 3 т. Т. 1. М. : Изд-во Агентства печати «Новости».

Конев И.С. (1991) Записки командующего фронтом. М. : Воениздат, 1991.

Лейдерман, Н. Л. (1973) Современная художественная проза о Великой Отечественной войне : (ист.-лит. процесс и развитие жанров. 1955–1970) : пособие по спецкурсу. Свердловск : Свердл. гос. пед. ин-т.

Лейдерман, Н. Л. (1987) Глазами всех солдат, погибших на войне... : заметки о теме Великой Отечественной войны в современных произведениях писателей-уральцев // Урал. №5. С. 169–175.

Лейдерман, Н. Л. (1988) Взаимодействие метода, стиля и жанра в советской литературе : сб. науч. тр. Свердловск : Свердл. пед. ин-т.

Практикум по жанровому анализу литературного произведения (2004) / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, Н. В. Барковская и др. ; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург.

Рокоссовский, К. К. (2000) Солдатский долг. М. : Голос.

Чуйков, В. И. (1972) Гвардейцы Сталинграда идут на запад. М. : Сов. Россия.

Чуйков, В. И. (1973) Конец третьего рейха. М. : Сов. Россия.

Авторефераты диссертаций, защищенных аспирантами Московского гуманитарного университета

Богаткевич, Т. А. Главная военно-морская база Черноморского флота — г. Севастополь в условиях «холодной войны» (1945–1991 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Богаткевич Татьяна Анатольевна: 07.00.02 — отечественная история. — М., 2010. — 21с.